

УДК 32.001
ББК 66
К 126

К 126 Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. – Ереван, Кавказский институт СМИ, 2005. – 228 с.

Издание представляет собой первый, пилотный выпуск Ежегодника Кавказского института СМИ, задуманного как справочно-информационное издание о наиболее важных событиях и тенденциях истекшего года на Южном и Северном Кавказе. В основу аналитических материалов первого выпуска легли доклады, сделанные на международной конференции «Кавказ-2003», прошедшей в Ереване весной 2004 года. Авторы подытоживают важный для Кавказа выборный 2003 год с различных точек зрения: внутри- и внешнеполитической, экономической, этнологической, религиозной. Кроме того, в издание вошли справочные материалы, в том числе хронология 2003 г. и географические карты Кавказа и региона.

Редактор А. Искандарян

Редколлегия: Р. Амирагян, Г. Демоян, Н. Искандарян,
А. Карагулян, В. Четерян

Дизайн обложки, макет и географические карты: студия «Коллаж».

Фотографии предоставлены студией «Patker» и Айком Бианджаном

Caucasus Yearbook 2003. Election Year. – Yerevan, CMI, 2005. – 228 p.

Editor A Iskandaryan

Editorial team R Amiraghyan, V Cheterian, N Demoyan,
N Iskandaryan, A Karagulyan

Cover design, layout and maps by Collage Ltd.

Photos courtesy of Patker and Hayk Bianjan

ББК 66

ISBN 99930-78-73-5

© КИСМИ, 2005

© 2005 by Caucasus Media Institute

И. Кузнецов

Северо-западный Кавказ (Краснодарский край): что происходит с этническими меньшинствами?¹

В Краснодарском крае основную часть населения составляют русские — 4314,8 тыс. чел., что соответствует 86,2 % от общего количества жителей. Представители «русского народа» в действительности говорят на разных восточнославянских языках (русский, украинский) и сформировались в результате Кавказской войны (первая половина XIX в.) и последующей колонизации Кавказа казачеством и крестьянством. Другие этнические группы представлены в намного меньших объемах и на этом основании могут быть отнесены к *этническим меньшинствам*. Среди таковых выделяются различные группы армян — 242 тыс. чел. (≈ 4,0 %), украинцы — 198,6 тыс. чел. (≈ 3,0 %), остальные же (примерно около 100 групп) еще малочисленнее (статистические данные на 01.01.2001 г.).

Эти меньшинства можно также отнести к двум категориям: *коренным и малочисленным народам* (например, адыги-шапсуги) и более поздним *мигрантам* (амшенские армяне, турки-месхетинцы, ассирийцы, греки и др.). Коренное население настаивает на своих особых правах и подчеркивает, что его предками были горцы, проживавшие здесь до прихода русских. Некоторые группы мигрантов появились здесь одновременно с русскими или даже чуть раньше (например, армяне), тогда как другие стали переселяться на Северо-западный Кавказ только в 1980-е годы (турки-месхетинцы). Особое место в разнообразии современных этнических общностей занимают транснациональные группы или сообщества. Это — общности, не имеющие постоянной тер-

---

¹ В статье опубликованы результаты работы над коллективным проектом творческой группы под рук. И. В. Кузнецова: «Transnational and Native Ethnic Groups of Caucasian Black Sea Coast in Transition». Проект осуществлялся в период с сентября 2000 по август 2002 года и финансировался Институтом Открытое общество (RSS№ 1179/2000, Soros Foundation).

ритории проживания и сформировавшиеся в ходе постоянных миграций. В современной науке к ним проявляется все больший интерес, т.к. они во многом не укладываются в традиционные схемы этничности, принятые в науке, в частности, в концепцию этноса советской этнографии.

Ксенофобия со стороны региональной власти

Публичные расистские заявления, способствующие разжиганию этнической и религиозной розни, набирают все больший оборот в России в последнее время. Подобная тенденция наблюдается не только в маргинальных кругах, но также и в мейнстриме, среди заметных политических фигур. К сожалению, это очень характерно и для Краснодарского края. Вспомним печально известное высказывание губернатора Александра Ткачева:

«Кубань - это казачья земля, и все об этом должны знать... МЫ БУДЕМ СМОТРЕТЬ, КТО С КЕМ ДРУЖИТ, И НА ОКОНЧАНИЯ ФАМИЛИЙ!..»².

Эти идеи уже начали претворяться в жизнь. Почти два десятка лет краснодарские власти проводят дискриминационную практику в отношении этнических меньшинств, как мигрантов, так и коренного малочисленного населения. Так, в Уставе края, принятом Законодательным собранием в новой редакции 4 июля 1997 г., прямо заявлялось:

«Краснодарский край является исторической территорией формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа... ЭТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО УЧИТЫВАЕТСЯ при формировании и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления»³.

В тексте устава нет никаких упоминаний ни о коренном населении — шапсугах, которые продолжают проживать на территории края, ни об этнических меньшинствах.

---

² Газета «Известия», 20 марта 2002.

³ Устав Краснодарского края, Ст. 2, п. 1я.

Рубен Мангасарян/Ratker

Граница Абхазии и России. Челноки из Абхазии везут в Россию товар на продажу.

Гогита Бухаидзе /Ratker-Soiuz Media Center

Десятки цыган из Тбилиси и других городов Грузии собрались в селе Тмарисы на церемонии крещения. Цыганский барон крестил в реке Кция сто двадцать мужчин, женщин и детей.

Еще совсем недавно в крае действовало региональное и местное законодательство, которое ограничивало права человека, в том числе права меньшинств: Решения сессий Краснодарского краевого совета народных от 26 августа 1989 г., от 14.04.90 г., от 7.08.92.; Постановления главы администрации Краснодарского края № 494 от 23.12.93, № 222 от 19.04.94, № 400 от 31.08.92, № 110 от 31.03.93, № 138 от 3.03.95, № 438 от 7.08.95; Закон Краснодарского края «О порядке регистрации пребывания и жительства на территории Краснодарского края» № 9-КЗ от 23.06.95 (в отношении мигрантов – армян, месхетинских турок, ассирийцев и др.).

Причем отсутствие регистрации («прописки») приводило (и приводит до сих пор) к ограничению практически всех гражданских и социальных прав. Так, людям, не имеющим прописки, отказывают в регистрации браков, и родившиеся в таких семьях дети официально являются рожденными вне брака. Региональные власти налагают запреты на аренду земельных участков и покупку домов лицами без постоянной регистрации по месту жительства. Точно так же эти люди лишаются возможности трудоустройства в организациях и на предприятиях края, т.к. для этого необходима постоянная регистрация по месту жительства, что противоречит федеральному законодательству.

Ничего, по сути, не изменилось и после попыток федеральной власти в мае-июне 2001 г. привести законодательство Краснодарского края (как и других субъектов федерации) в соответствие с федеральным. Наиболее одиозное требование о необходимости учитывать «при формировании и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления» то, что русские являются главными, было убрано из Устава. Но внесения упоминаний о каких-либо правах этнических меньшинств, хотя бы коренных и малочисленных народов, все равно не последовало. Устранение противоречий более чем в 50 законодательных актах Краснодарского края закончилось принятием новых, а также законодательной же инициативой по внесению в Госдуму проекта Федерального закона «О миграции в Российской Федерации», принятой 6 декабря 2000 г. краем и Республикой Адыгея.

18 марта 2002 г. в городе Абинске (один из центров проживания месхетинских турок) прошло совещание «О состоянии и мерах преодоления избыточной миграции и стабилизации межна-

циональных отношений в Краснодарском крае». В нем приняли участие руководители органов государственной власти края, депутаты Законодательного собрания КК, представители органов местного самоуправления, руководители паспортно-визовых служб, атаманы казачьих обществ, секретари комиссий миграционного контроля городов и районов края. В итоге оно завершилось выработкой решений об ужесточении миграционного контроля и порядка выдворения «лиц, незаконно пребывающих на территории края».

Вслед за этим Законодательное собрание КК приняло постановление «О мерах по усилению государственного контроля за миграцией и административному выдворению лиц, незаконно находящихся на территории Краснодарского края» № 1381-П от 27 марта 2002 г., а губернатор Александр Ткачев подписал закон «О пребывании и жительстве на территории Краснодарского края» № 460-КЗ от 11 апреля 2002 г. В законе четко прослеживается идея коллективной ответственности этнических меньшинств за «нарушение» законодательства о порядке пребывания и жительства.

Эти положения уже начали реализовываться. Власти Крымского района депортировали в соседнюю с краем Ростовскую область двух езидов. Эти выходцы из Армении жили вместе со своими семьями у родственников без регистрации и занимались разведением крупного рогатого скота. Сотрудники милиции вынудили родственников оплатить проезд депортируемых до Ростова, а конфискованные паспорта передали проводникам поезда с приказом отдать владельцам только по прибытию в пункт назначения.

В период с 25 марта по 3 апреля 2002 г. органами внутренних дел было проведено оперативно-профилактическое мероприятие «Иностранец». По словам начальника общественной безопасности ГУВД КК генерал-майора милиции Б. Т. Глебова, в ходе оперативных работ за нарушение правил пребывания в крае привлечено к ответственности 1904 иностранных гражданина, из которых 1733 из стран СНГ. За пределы края выдворены 16 человек (в основном это азербайджанцы, армяне, цыгане). 203 должностных лица привлечено к административной ответственности за несоблюдение паспортно-визового режима, предоставление работы иностранцам без соответствующей регистрации и т.д. и т.п.

Политика краевой администрации в отношении этнических меньшинств, которая имеет откровенно дискриминационный характер, неоднократно критиковалась российскими и международными правозащитными организациями. Официальный доклад Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда при госдепартаменте США (25 февраля 2004) дважды упоминает о недопустимой ситуации, сложившейся в Краснодарском крае: в пункте «D» «О свободе передвижения внутри страны, вопросах миграции и репатриации» (в отношении одной из групп мигрантов — турок-мехетинцев) и в секции «5» «Национальные и расовые меньшинства», в которой цитируется очередное обещание губернатора А. Н. Ткачева (март 2002) региональным и муниципальным чиновникам, создать «*НЕВЫНОСИМЫЕ УСЛОВИЯ для нелегальных мигрантов*».

В октябре 2002 г. турки-мехетинцы из-за систематической дискриминации со стороны властей края при полном попустительстве федеральных властей обратились к правительству США с просьбой рассмотреть возможность их переселения в эту страну и предоставления им там статуса беженцев. Вопрос был решен положительно. С 16.02.04 г. Международная организация миграции и Посольство США в России приступили к выполнению программы с целью принять в США в августе 2004 г. до 10000 турок из Краснодарского края. Это не смутило, а наоборот подстегнуло краевые власти к выталкиванию этой группы мигрантов полностью. Используя суды, с декабря 2003 г. власть стала выносить решения о депортации турок-мехетинцев за пределы России.

Подстрекаемое провокационными идеями, «коренное» («славянское») население края все чаще относится к мигрантам и беженцам «неславянской национальности» действительно враждебно. Расисты и ксенофобы, как, например, группы молодчиков-скинхедов, переходят, что называется, от слов к делу. Число актов насилия, направленных против представителей этнических меньшинств, к сожалению, растет.

Так, в ноябре 2001 года в городе Кореновск был учинен армянский погром. 30 ноября 2001 г. на хуторе Школьном Крымского района подверглись нападению пятеро турок-мехетинцев. Нападавшие применили слезоточивый газ. Все пострадавшие были доставлены в больницу с тяжелыми телесными поврежде-

ниями. В ночь 16-17 апреля 2002 г. на краснодарском городском кладбище было разгромлено около 30 надгробных памятников армян и езидов. В погроме обвинили 11 скинхедов. Все они осуждены условно. 3 марта 2004 в г. Краснодаре снова произошло осквернение могил на том же кладбище. По сообщению главного инженера Валерия Баскакова, разрушено и осквернено 11 надгробных памятников, девять из которых принадлежат армянам, один - адыгу, и еще один памятник остается пока неопознанным.

Коренные народы: шапсуги, абхазы

Шапсуги – один из двух народов Северо-западного Кавказа (второй – абазины), включенных в официальный перечень коренных и малочисленных, прилагающийся к соответствующему закону⁴. Шапсуги – локальная группа адыгов, соседи абхазов с северо-запада. В источниках они известны с конца XVII – начала XVIII в. Их территория включала в себя как черноморское побережье Кавказа (Малый Шапсуг), так и северные склоны Главного хребта и предгорья до р. Кубани (Большой Шапсуг). Но после окончания Кавказской войны (1864 г.) шапсугские махаджеры в массе бежали в Турцию, а оставшихся «мирных» горцев российские власти переместили на равнину, в Прикубанье, освобождая земли Черноморского побережья для казаков и других поселенцев. Только в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. как из Прикубанья, так и из Турции шапсуги стали возвращаться на черноморское побережье.

В первые десятилетия советская власть, сменившая царскую администрацию, предоставила национальную автономию ряду национальных меньшинств. В 1921 году земли, оставшиеся у адыгейцев, были объединены в Черкесскую (Адыгейскую) автономную область. Шапсуги черноморского побережья не были в нее включены. Только в 1924 г. после долгих сомнений был образован Шапсугский национальный район в составе Черноморского округа Юго-Восточного края. Однако в 1945 г. его ликвидировали и переименовали в Лазаревский район г. Сочи. Шап-

---

⁴ Имеется в виду Закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, принятый Государственной Думой 16 апреля 1999 года и одобренный Советом Федерации 22 апреля 1999 года.

суги потеряли статус «титульной национальности» и вновь стали одним из национальных меньшинств наряду с греками, армянами и др.

1 декабря 1990 г. в пос. Лазаревское прошел I съезд причерноморских адыгов, вновь провозгласивший создание Шапсугского национального района как субъекта Российской Федерации. По мнению лидеров шапсугов, статус района должен был обеспечить «...гарантии сохранения шапсугского этноса; гарантии развития других культур; разделение полномочий между органами управления; правила землепользования». Все это вызвало широкий резонанс. Власти спровоцировали эскалацию напряженности, проводя параллели между требованиями шапсугов и ситуациями в Абхазии и Чечне. К настоящему времени вопрос, поднятый шапсугами, так и не получил вразумительного ответа, и вроде бы их национальные лидеры склонны к мысли отказаться вовсе от столь радикального требования⁵.

Как и другие коренные народы этой части Кавказа, в колониальный и постколониальный период шапсуги подверглись сильной аккультурации. На данном этапе они стремятся всячески сохранить свой язык (шапсугский диалект адыгейского языка) и культурную самобытность. Правда, делается это в соответствии с клише советского периода. Шапсуги надеются на контакты с Адыгеей (в настоящее время Республика Адыгея – субъект Российской Федерации). В шапсугских школах преподается курс «Культура и этика адыгейского народа», программу которого присылает Министерство образования Республики Адыгея.

В действительности аккультурация привела к целому ряду изменений в культуре, в особенности в области гендерных отношений, которые делают традиционалистски понимаемое возрождение невозможным. В результате развития образования и широкого вовлечения женщин-адыгеек в социальную жизнь, с 1920-х гг. они действительно приобрели новые социальные статусы и роли. Пиком расцвета образования можно считать 1950-1970-е гг. Но на сегодняшний день оно больше не является единствен-

---

⁵ Сивер А. В. Шапсуги и проблема восстановления Шапсугского национального района // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 1 (декабрь 1999). С. 6-10.

ным средством для получения материальных благ и соответствующего этому социального статуса. Статус образования падает среди мужского населения, в то время как для женщин получение его остается единственным способом добиться независимого социального положения.

Вместе с тем в национальной идеологии образование играет важную роль, т.к. знание адыгейского языка и культуры через книги выступает в качестве основополагающего компонента, дающего качественно обоснованную возможность не только причислять себя к адыгам, но и считаться таковыми на индивидуальном уровне. Это означает, что в первых рядах тех, кто возрождает адыгейскую культуру, фактически будут женщины, формально и институционально не имеющие на это права.

В настоящее время основная тенденция развития культуры шапсугов (как и адыгов вообще) — ее «маргинализация». Каждый адыг совмещает в своей повседневной жизни знания двух языков и двух культур (своей и русской) с соответствующим поведенческим паттерном для каждой культуры. «Чужая» (русская) культура может представляться более свободной, и нахождение «там» дает возможность избежать ряда традиционных, обязательных на «своей» территории, ритуалов или ограничений, а для некоторых, возможно, снимает традиционные роли даже в «своей» культуре. Среди адыгов-шапсугов распространяются многие пороки, характерные для русского большинства, например, наркомания и алкоголизм.

Для традиционной адыгейской культуры использование наркотиков не является характерным. В адыгейском языке есть только один термин, обозначающий наркотик растительного происхождения — анашу (марихуану, гашиш) — *кIэн*. Человека, который употребляет анашу, называют *кIэнау*. Это слово носит отрицательный оттенок. Слова, обозначающего наркоманию в общем смысле (не относительно определенного наркотика), в адыгейском языке нет. Считалось, что курить анашу может только «хулиган» и бесперспективный человек.

Сегодня все чаще и чаще встречаются случаи употребления не только анаши, но и героина, и других наркотиков. Первыми адыгейцами, начавшими употреблять героин, были мужчины среднего возраста со значительным материальным достатком.

Возраст первых проб был достаточно поздним (старше 26–27 или даже 30 лет), что отличается от современной ситуации с употреблением наркотиков в Краснодаре. До сих пор для Адыгеи характерно отсутствие наркоманов раннего возраста до 20 лет. Среди русского населения это, напротив, один из самых опасных возрастных периодов для наркотизации. Девушки-адыгейки, страдающие наркозависимостью, не известны⁶.

Беспрецедентные гендерные трансформации⁷ и общая «маргинализация» характеризует также современное развитие абхазов, проживающих на территории непризнанной Республики Абхазия, которая находится в теснейших отношениях с Краснодарским краем. Важным результатом изменений колониального и постколониального периодов стала аккультурация абхазов. Вакуум, образовавшийся после исчезновения традиционных институтов, в частности отношений обмена, пронизывавших все стороны жизни абхазского общества, заняла коррупция. Коррупция была давно известна в Абхазии (как, естественно, и в России). Есть документы, в частности записки европейских путешественников, свидетельствующие о коррумпированности местных властей, например, уже в середине XVIII века (хотя, конечно же, коррупция появилась здесь гораздо раньше).

Однако коррупция вовсе не была и не могла быть социальным институтом «традиционного» абхазского общества. Она основана на принципах архаичного обмена, но обмена нелегального, не санкционированного обществом. Поэтому нельзя говорить о ее местных этнических корнях как какого-то особого обычая. Нет смысла говорить и об исторической приверженности к коррупции абхазского, равно любого другого народа. Наоборот, коррупция возникает (и каждый раз возникала прежде) там, в тех ситуациях, когда эти обычаи (институты) отступают. Обособленность людей, anomia и анархия в обществе — вот то, что влекло заполнение образовавшегося социального вакуума с помощью коррупции.

---

⁶ Коробова Н. Н. Адыги-шапсуги: гендер, религия, образование // Там же. С. 84–90; Korobova, Nadiya. Acculturation and Spreading of Drugs (Shapsugs). In: *Transnational Groups and Natives of the Caucasian Black Sea Coast in Transition, Final Report of the Project* (manuscript).

⁷ See: Kuznetsova, Rita. Women in Abkhazia Before and After the War. In: *Central Asia and the Caucasus*. No. 6 (24), 2003.

Последний всплеск коррупции в Абхазии в советское и постсоветское время, возможно, объясним теми ножницами, в которые попала ее культура после включения в Россию, в общем ряду многих других культур «перехода», внезапно оказавшихся в зоне влияния современной урбанистической цивилизации. С одной стороны, к 1920-м годам окончательно исчезли многие старые институты, цементирующие абхазское общество (аталычество, куначество и др.), а с другой - оно так и не приспособилось к новой жизни в условиях огромной империи, сеющей крайнее отчуждение в среде ее подданных. В своем письме императору Александру II, написанному по поводу восстания, разразившегося в Абхазии, почти сразу после ее присоединения (письмо датировано 5 августа 1866 г.), наместник Кавказа сетовал: «Всего грустнее мне, что твои Саша, опасения оказываются основательными: мы сами виноваты в случившемся!»⁸

Транснациональные группы

1. Крымчаки, ассирийцы, чехи

Крымчаки – иудеи Крыма, еще совсем недавно говорившие на крымско-татарском языке (точнее, на особом его диалекте), а сейчас говорящие на русском и уже давно расселившиеся за пределы своей первоначальной территории, в том числе в Краснодарском крае. В годы второй мировой войны они были почти истреблены нацистскими оккупантами. Уцелевшие единицы испытали на себе антисемитизм сталинской эпохи. Общая численность крымчаков, согласно переписи 1989 года, составляла 1448 человек. В настоящее время подавляющее число потомков крымчаков выехало за рубеж в качестве евреев-репатриантов: в Израиль, Германию, США, Канаду. Те немногие, кто решил остаться, проживают главным образом, в Крыму, в других местах Украины и в Краснодарском крае (Новороссийск, Краснодар).

Примордиалистски сформулированный вопрос об этнических корнях крымчаков по сей день является до болезненности актуальным для самих крымчаков (т.е. людей, все еще идентифици-

---

⁸ См.: Кузнецов И. В. Коррупция в повседневной жизни, несколько абхазских примеров (взгляд антрополога) // Грани. 2000. Ежегодник факультета истории, социологии и международных отношений. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2001.

рующих себя как крымчаков). Национальные лидеры тех крымчаков, которые не уехали в Израиль или на Запад, настаивают на своей особенной крымчакской идентичности. Отмежеваться от евреев было особенно важным в годы антисемитизма, сначала Российской империи, а потом сталинского советского режима. С другой стороны, в переписях крымчаков продолжали чаще всего фиксировать как «евреев», «татар», либо «караимов».

Апофеозом борьбы крымчакских лидеров за особенную крымчакскую идентичность явился выход в свет специальной памятки для членов общины. Это издание, текст которого был утвержден членами правления общества «Кърымчахлар» (г. Симферополь), носит название «Самоидентификация»⁹. В ней есть такие пункты, как «родственные народы» и «самосознание». Крымчаки выделяют евреев, крымских татар, азербайджанцев как родственные себе народы: «крымчаков и евреев объединяет преданность единой вере и связь по одной из линий древних предков. В этногенезе некоторых тюркских народов (крымских татар, азербайджанцев и др.) в период их становления в средневековье (так же, как и в этногенезе крымчаков) участвовали потомки хазар; кроме того, у крымских татар — готы, гурджи и генуэзцы. Между крымчаками и этими народами также есть этническое и (в результате интеграции) культурное родство»¹⁰.

Относительно современной крымчакской идентичности «Самоидентификация» говорит следующее: «С учетом всех реалий исторических судеб крымчакского народа светское общество «Кърымчахлар» и религиозное «Къаал Акодеш» — сторонники сохранения своего национального статус-кво». Вместе с тем, такая активная позиция и стремление сохранить свою собственную идентичность свойственны пока еще только относительно небольшой группе людей, в основном пожилого возраста. Что касается представителей молодого поколения крымчаков, то они практически все имеют высшее образование, говорят в основном по-русски. Кто-то из них «ходит» в православный храм, кто-то — в синагогу, кто-то — в оба храма одновременно, а кто-то вообще никуда не «ходит». Кто-то из крымчаков нового поколения

---

⁹ Самоидентификация. Симферополь: Кърымчахлар, 2001. С. 1-4.

¹⁰ Там же.

считает себя русскими, кто-то евреями, кто-то затрудняется «определить» себя каким-либо образом¹¹.

Ассирийцы – транснациональная группа, осевшая на территории Краснодарского края недавно (по сравнению с греками, армянами и т.д.) Национальная идеология ассирийцев – типичный пример широкого использования исторических реконструкций. Предки тех, кто сейчас называет себя ассирийцами, еще в середине XIX века представляли собой разрозненные в религиозном отношении, небольшие по численности группы христианских меньшинств (несториане, сиро-халдеи, якобиты, сиро-католики) на территории Османской империи и Персии, которых объединяло разве только то, что все они в тюрко-, курдо- и арабоязычном окружении продолжали говорить на новоарамейском (сирийском) языке. В 1886 г. Англиканская церковь создает среди этих групп т.н. Ассирийскую миссию для оказания им помощи. В ходе первой мировой войны из этого населения формировались «ассирийские батальоны», сражавшиеся на стороне Великобритании. Члены их стали называть себя ассиро-халдеями, а с 1920-х гг. – ассирийцами. Еще в 20-30-е гг. часть будущих ассирийцев по конфессиональным соображениям записывалась в паспортах греками и армянами. В последнее время новое самоназвание распространяется среди широких слоев населения различными организациями национального возрождения, такими, как Ассирийский конгресс (бывшая ассирийская организация СССР) и т.д.

Современные ассирийцы, особенно читающая интеллигенция и вовлеченные в национальное движение слои, связывают свое происхождение с событиями истории древней Ассирии. После ее падения ассирийцы якобы продолжали долго жить на своих старых местах вокруг Ниневии и в горах Ассирии. В результате их арамеизации, а также принятия христианства после I в. н.э., как будто бы и появляется современная ассирийская народность с языком, наследующим реалии как арамейского, так и древнеаккадского (ассиро-вавилонского). Далее, согласно этой схеме, древние культурные традиции ассирийцев в Средние века и Новое время якобы продолжают находящиеся в Персии небольшо-

---

¹¹ Багинская И. С. Крымчаки: самоконструирование в условиях ксенофобии // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 6 (март 2004). С. 113-116.

численные церкви, богослужение в которых ведется на сирийском языке.

Ассирийцы стали селиться на территории Краснодарского края начиная с 1901 года. Это были немногочисленные семьи, обосновавшиеся в районе города Армавир. Но после 1914 года, спасаясь от религиозного притеснения и геноцида, в регион переселилась довольно значительная группа беженцев преимущественно из Ирана и Турции. В 1925 году в ответ на ходатайство ассирийского общества Хаядта (Москва) «создать национальный очаг ассирийцев в России», властями было основано с. Урмия, которое первоначально составили приблизительно 30 семей выходцев из Урмии (Иран), еще с 1914–18 гг. проживавших на территории края. В 1930 г. на базе краснодарской Урмии организовали мононациональный колхоз им. Микояна, а в 1931–1954 гг. – Ассирийский национальный сельский совет. Но в 1954 году по распоряжению правительства в рамках программы по укрупнению колхозов колхоз им. Микояна был слит с более крупным хозяйством – колхозом им. Жданова (современный колхоз «Рассвет») и стал одной из его бригад. Вслед за этим был ликвидирован и ассирийский сельсовет, а Урмией начали управлять чиновники из сельсовета станицы Ново-Алексеевской.

В 1993 году население хутора Урмия Курганинского района Краснодарского края, ныне единственного ассирийского анклава в России (еще есть в Армении и Грузии), составляло 644 чел. Из них ассирийцы составляли 63,2% (407 чел.), русские – 28,4% (183 чел.), армяне – 5,9% (38 чел.), доля остальных (греки, мордва, немцы, белорусы, азербайджанцы, казахи, украинцы) была невелика – вместе 1,59%. В последнее время после вооруженных конфликтов в Урмию переезжают родственники-ассирийцы из Армении, Азербайджана, Грузии. Тем не менее, официально на 1 января 2002 г. в Урмии по-прежнему только 642 человека, проживающих в 208 домах; хотя процент ассирийцев и армян чуть вырос (66% и 7%), а русских – снизился (25%) (данные хозяйственных книг)¹².

---

¹² См. также: Бойцов В. В. Кубанский осколок Ассирии // Грани. 2002. Ежегодник факультета истории, социологии и международных отношений. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002.

Ассирийцы Урмии как меньшинство среди русского большинства подверглись сильной аккультурации. Люди в Урмии почти ничем не отличаются от жителей соседних кубанских станиц, разве что характерными антропологическими особенностями. Ассирийский (новоарамейский) язык медленно умирает. В урмийской школе он не преподается. Тем не менее, в Урмии есть клуб, при котором существует ансамбль танца и музыкальная группа, осуществлена постановка пьесы на ассирийском языке. С 1990-х гг. проводятся ежегодные народные гуляния в начале мая (1 мая – реконструированный Новый год древних ассирийцев) с песнями, танцами, футбольным турниром и многочисленными гостями из разных уголков страны. Приезжают также ассирийцы, разбросано живущие в Крымском, Динском и Северском районах Краснодарского края. В мае 2002 г. Урмию посетил ансамбль танца «Ниневия» из Тбилиси (Грузия) в рамках тура Москва–Ростов–Краснодар–Крымск–Урмия.

Существенной чертой национальной идеологии местных ассирийцев является также приверженность христианству в особой форме – Ассирийской Церкви Востока («несторианству»). В 1898 году часть ассирийцев иранской Урмии во главе с епископом Мар-Йоной присоединилась к Русской Православной Церкви. После переселения в Россию эта группа, а также подавляющее большинство всех других переселившихся сюда ассирийцев-несториан, формально стали прихожанами местных православных приходов. Несторианские церкви уже больше не открывались, незначительная часть священников стала служить в русских церквях для ассирийцев, большая часть фактически лишилась сана, в годы сталинизма они были репрессированы. Последнее время набирает ход движение за восстановление национальной церкви. В настоящее время церковь строится и в Урмии, что вызывает раздражение у местного православного духовенства.

Сохранение языка, собственной идентичности, восстановление церкви, решение экономических проблем и проблем с органами миграционного контроля и паспортно-визовой службой, возникающих у ассирийцев-беженцев из Закавказья, лидеры «Хаядта» связывают с надеждой на выход Урмии из подчинения Ново-Алексеевской сельской администрации и колхоза «Рассвет».

В Краснодарском крае проживает 1247 чехов (1989 г.), то есть около 33 % от общего числа чехов Российской Федерации. Точные даты основания местных чешских сел неизвестны, все они возникли в промежутке 1860-90-е гг. По-видимому, наиболее старые из них — Варваровка и Павловка на территории Кубанской области (дед одного из информантов в с. Варваровка был завербован из Чехии в Россию в 1869 г.). 10 марта 1866 года вышло «Положение о заселении Черноморского округа и управлении оным», в параграфе 10-м которого говорилось, что в состоянии сельских обывателей заселяемого округа могут вступить, в том числе, и «иностранные христианских исповеданий поселенцы». Воспользовавшись этим пунктом, чехи и начали переселение.

Нам встретился интересный документ — прошение чехов, датированное 18 июня 1874 года, на имя Начальника Кубанской области Кармалина: «В 1868 году по распоряжению Правительства был вызов желающих поселиться в Кубанской области за рекою Кубань, с ограничением прав, избрать удобную для жительства землю с тем, что ежели первый занятый участок казенной земли по прошествии 3-х лет окажется неудобным, то поселившиеся на нем, могут просить ближайшее Начальство о разрешении приискать себе другой участок земли более удобный. Мы же как иностранцы, не имели сведения где более удобная земля, по прибытии нашем поселились в Черноморском округе, вблизи города Новороссийска, и образовав нашим поселением, в числе 120 семейств пять деревень а именно: Владимировку, Павловку, Варваровку, Кириловку и Метхалейку; проживая на вышеуказанной земле с 1870 года и по настоящее время вследствие не урожая и плохой земли мы совершенно разорились и до того, что ежели придется нам ещё прожить на этом участке земли год или два, то должны лишиться всего нашего имущества, которым мы себя и семейства наши содержим».

Как видно из приведенного отрывка, чехи переселяются в область в 1870 году, притом основывается пять деревень. Прошение подписали депутаты от деревень: Владимировки — Иосиф Татичек, Павловки — Игнат Веверка, Варваровки — Прокоп Полешак (подписано на латинице: *Vladimirowka Iozef Taticek, Paulotka Ignaz Wewerka* [далее неразборчиво]).

Откуда шла миграция, неизвестно, однако этнографические особенности чехов двух наиболее изученных нами групп — анапской и геленджикской — говорят в пользу их близости с населением Моравии, особенно ганаками. Выяснилось, что многие из чехов, приехав в 1860-ом году, по крайней мере до 1890-х годов сохраняли австро-венгерское подданство. По найденным документам удалось установить, что семья Дворжак приехала во Владимировку (р-н Новороссийска) из *Kraj Budejovsky, okres Hlubocky*, села *Kostelce*.

Чехи существенно отличаются от других транснациональных групп кавказского побережья Черного моря. Главное отличие заключается в том, что они начали переселяться тогда, когда в самой Чехии уже вполне оформилась нация с присущей ей идеологией. У чехов Кавказа устойчиво общечешское самосознание. Во время опроса никто, даже из самых пожилых информантов, деда которых родились еще в Чехии, не смог ничего сказать о своей принадлежности к той или иной локальной (областной) группе.

Важной особенностью культуры чехов является также специфический механизм сохранения традиций, ее память, основанная прежде всего на книжности. Для чехов характерны очень ранние по времени попытки реконструировать уходящую народную сельскую культуру, например, составление письменных руководств по свадьбе, которые появились в Чехии уже с конца XVII в., в частности, самое известное «Свадебные договоры и хвалебные речи» Франтишека Яна Вавака — сельского старосты, переиздававшееся 18 раз.

Столь обостренное внимание к собиранию и сохранению этнографизмов было обусловлено стремлением противостоять процессу ассимиляции, в частности, онемечиванию. Это определило совершенно особые пути развития культуры чехов, в которой часто невозможно провести четкую грань между традиционным и профессиональным, сельским и урбанистическим, где сознательному нормированию подверглись такие пласты, которые в других культурах обычно находятся целиком во власти народной стихии.

Поселившись на новых местах, переселенцы получали из Чехии образцы национальной одежды, сборники песен, книги с описанием обрядов (их образцы хранятся в фондах Геленджикского историко-краеведческого музея), католическую литературу на чешском

языке, т.е. поддержание традиций чешской культуры шло здесь поначалу привычным путем, через письменность. Утрата же большинством грамотности на родном языке означала новые условия на пути этнического и культурного развития чехов.

Следующее обстоятельство, выделяющее чехов после переселения на Кавказ, — религия. Костелы и молельные дома имелись в крупных городах (Краснодар, Майкоп, Новороссийск), а также в чешских селах (Варваровка, Павловка, Тешебс). Они не были специфически чешскими, а обслуживали все католическое (поляки, немцы) и униатское (часть армян) население. Приходы римско-католической церкви существовали в регионе начиная со 2 пол. XIX в. и до 1950-х гг., их повсеместное закрытие было результатом сталинских гонений на религиозные меньшинства.

Изначально в местах, где поселились чехи, монопольную роль играла Русская Православная Церковь. Между чешскими переселенцами и окружающим русским православным большинством первое время сохранялась неприязнь. Информанты помнят, как их деды верили, что под кафтанами у русских растут хвосты, как у чертей (то же, например, считали и армяно-католики в отношении армян — прихожан Апостольской Церкви).

У чехов, попавших в православное государство, население которого испытывало неприязнь к католикам, приверженность к католицизму стала одним из главных факторов противопоставления с окружающим русским большинством. Одновременно это означало сближение с другими группами, исповедующими католицизм, например, поляками.

Ныне в местности, где расположены чешские села, повсюду доминирует русское население. Сейчас русские составляют большинство и внутри почти всех чешских сел (исключая с. Анастасиевка и х. Мамацев). Все чехи Кавказа знают русский. В то же время родной язык (диалекты, редко литературный язык) знают сносно лишь те из них, кто старше 60 лет, более молодые люди признают, что говорят по-чешски неважно. В повседневной жизни и те, и другие чаще пользуются русским. Место чешского языка в основном ограничивается сферой праздника и ритуала (свадебного). Вытеснению родного языка русским способствует отсутствие чешских школ или школ с преподаванием чешского языка. Вместе с тем никакого движения за сохранение родного языка среди чехов Кавказа не наблюдается.

В советский период в обстановке религиозного безразличия стерся и антагонизм между католиками и православными. Есть даже редкие факты сознательного перехода чехов в православие (в с. Варваровка — один случай). Сейчас в намечающемся в регионе возрождении католичества чехи, в отличие от поляков, не занимают заметного места.

Но главный фактор ассимиляции чехов Кавказа — демографический. Межнациональных браков очень большое количество, в некоторых селах (Варваровка, Павловка) — более половины от общего числа. Увеличению их числа способствует ряд моментов: все чешские села были основаны как очень малочисленные поселения (так в 1905 г. с. Текос состояло лишь из 14 дворов, с. Тешевс — из 16, Георгиевские хутора — из 22 и др.); для переселенцев-чехов был характерен весьма низкий уровень рождаемости по сравнению с окружающим населением (русским, армянским и т.д.); брачные круги обычно не распространялись за пределы своей ареальной группы, или в лучшем случае охватывали 2 соседних группы (например, жители с. Варваровка могли брать жен из другого села анапской группы — Павловка, были известны браки варваровских чехов с чехами соседней новороссийской группы, но уже села геленджикской группы и тем более туапсинской находились за пределами этого круга).

Помимо высокого уровня этнической миксации факторами ассимиляции чехов в селах анапской и новороссийской группы является влияние курортной зоны и сильная урбанизация. Общая численность населения большего числа чешских сел падает, тогда как общая численность населения сел Варваровка и Павловка (сейчас объединены в одно) растет за счет притока новых мигрантов (в основном армян и русских). Некоторые чешские села Новороссийской группы (Мефодиевка) фактически вошли в черту города Новороссийска.

Чехи как транснациональная группа на Северо-Западном Кавказе, видимо, столкнулись с совершенно особой трудностью — демографической¹³.

---

¹³ Кузнецов И. В. Чехи Кавказа // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 1. С. 116-122. Автор также выражает благодарность В. И. Колесову за предоставленные им выписки из документов, хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края.

2. Потомки мигрантов из Понта

Понтийские греки, амшенские армяне и хемшилы представляют собой транснациональные группы, вышедшие на российский берег Черного моря из турецкого Понта — культурного ареала, который прослеживается, начиная с античности, и территориально почти совпадает с границами османского Трапезундского вилайета начала XX в. (современные причерноморские илы Самсун, Орду, Трабзон и др.). Древнее население Понта — халибы, колхи и др. — по-видимому, предки западных грузин, абхазов и адыгов. В VIII-VII в. до н. э. здесь появляются первые колонии греков, не позже VIII в. н. э. — армяне (город Амшен или Хемшин), и только к XIII-XIV в. — турки (туркмены). К моменту выхода за пределы Понта амшенских армян, хемшилов и понтийских греков, у них выработался общий культурный тип, резко отличающий их от армян (и греков) из других мест.

По крайней мере, в XVIII-начале XX в. в качестве фактора идентичности в Понте исключительную роль играет религиозная принадлежность (мусульмане, православные христиане, армяно-григориане), которая часто вообще подменяет этничность. В настоящее время подавляющее большинство исследователей считает хемшилов потомками армян Понта, исламизированными не позже XVIII в. н. э. Оставшихся адептов Армяно-григорианской (Армянской Апостольской) Церкви, или вернувшихся в ее лоно, принято называть амшенскими армянами.

Переселение в 1860-1920-х гг. армян Понта (как и греков) на территорию нынешних Краснодарского края и Абхазии происходило на фоне усилившихся в Турции гонений на этнические и религиозные меньшинства, последовавших за этим погромов и настоящих актов геноцида. С другой стороны, после окончания Кавказской войны не примирившиеся с владычеством России горцы-махаджиры селятся на турецком берегу. В 1878 г. самая восточная часть турецкого Понта вошла в состав Российской империи, образовав Батумский округ (Аджарию). В некоторых селах, из числа перешедших под новую юрисдикцию, продолжали проживать хемшилы, до тех пор, пока в 1944 году они, вместе с греками, курдами, турками, были высланы из Аджарии как «неблагонадежное население». Их принудительно разместили малыми группами на положении

так называемых «спецпереселенцев» в Южном Кыргызстане и Казахстане.

Начиная с 1982–84 годов, и особенно в 1989 году, после событий в Ферганской долине и узбекско-киргизского конфликта в Оше, вместе с турками-месхетинцами более 20 семей хемшилов переехало в Краснодарский край (Апшеронский и Белореченский районы). До хемшилов в тех же районах, и иногда даже в тех же населенных пунктах, уже жили амшенские армяне. В 1926–53 годах часть территории Апшеронского и соседнего Туапсинского района с армянским населением входила в Армянский национальный район, объединявший 63 селения с общей численностью в 7000 чел. Последняя волна миграций этой транснациональной группы на данную территорию по времени совпала с хемшилской. В этих и окрестных селах расселились амшенские армяне-беженцы из зоны грузино-абхазского военного конфликта.

Массовая исламизация предков хемшилов вырвала их из общеармянской среды, сохранение языка (амшенского диалекта — общего для амшенских армян и хемшилов) сделало хемшилов тем, кто они есть. Все хемшилы осознают свою самобытность и общность и выражают это употреблением общего самоназвания в форме *həmşiləsi* «амшенец». Но они ничего не знают о происхождении этого названия. Турецкая форма названия — *hemsilə* (с тем же значением), вошедшая в другие языки, не воспринимается большинством хемшилов как аналог их собственного названия. Как контраст этому — амшенские армяне не употребляют данного названия ни в армянской, ни в турецкой форме, предпочитая ассоциировать себя либо с армянством вообще (*hdu*, *hdui*, *hey*, *heyi* «армянин»), либо называя свою локальную группу, при этом название образовывается от соответствующего топонима в Турции. Так, амшенские армяне, проживающие в Апшеронском районе, обычно называют себя *jenikci*, *jənikci* «джаникец», т. е. переселенец из Джаника. Только в последнее время узкий слой амшенских армян, знакомых с краеведческой литературой — интеллигенция, функционеры местных армянских общин — стали употреблять название *həmşie(n)ci*. Так начинают называть местные общинные организации, фольклорные коллективы и прочее. Однако до сих пор очевидна искусственность и неукоре-

ненность этого нового термина, многие до сих имеют о его происхождении очень туманное представление.

Для этнической идентичности хемшилов Краснодарского края характерно также то, что они соотносят себя и с турками, многие даже в равной мере считают себя турками и хемшилами. В свою очередь и информанты-турки на расспросы о том, кто такие хемшилы, также чаще всего отвечают, что это — турки («такие же, как и мы, мусульмане»), но помимо турецкого, у них есть свой собственный язык, по их мнению, «как курдский», который, скорее всего, они переняли у соседей, либо действительно это их первоначальный язык; и что с курдами их роднит не только язык, но и пастушеские обычаи. Турецкая идентичность хемшилов имеет под собой несколько мотиваций. Главная — это реальная культурная (естественно, прежде всего, религиозная) близость обеих групп. Далее, все это закреплено и в официальных документах: очень у многих хемшилов в советских внутренних паспортах в графе «национальность» стоит запись «турок» или «турок-хемшил».

Наконец, и у хемшилов и у месхетинских турок еще недавно было много общих, точнее навязанных им извне, политических интересов. Как и месхетинские турки, хемшилы Краснодарского края являются одной из самых бесправных групп населения. Они обделены статусом беженца. Абсолютное большинство их, исключая единичные случаи, не получило полагающейся по законам Российской Федерации регистрации по месту жительства (прежде прописки). А в условиях Краснодарского края, на территории которого долгое время действовали законодательные акты, явно противоречащие российской Конституции, это означает, что хемшилы не имеют законных прав на недвижимость, которой пользуются, должны выплачивать ежемесячный налог за проживание на территории Российской Федерации как иностранцы, не принимаются на работу, не получают паспортов и т. д.

Активисты амшеноармянских общин несколько раз предпринимали попытки устроить дискуссии, основная идея которых — «просветить» хемшилов, в том, что их предки были амшенскими армянами, и что благом для них сегодня будет постепенный отказ от ислама и «возвращение» в лоно Армянской церкви. Хемшилы на подобные «разговоры по душам» откликаются по-

ка крайне неохотно. Но, с началом в средствах массовой информации обвинений в адрес ваххабизма, исламских террористов, новой антитурецко-мешетинской кампании на всех уровнях власти, лидеры хемшилов поняли, что добиться своих прав, идя в одном строю с турками, уже невозможно. Сегодня некоторые родители уже отдают своих детей в классы с изучением армянского языка, а старейшины подумывают о собственной правозащитной организации только для хемшилов. По всей видимости, скоро окончательно забудется и их турецкая идентичность. Но основная трудность в будущем самоопределении хемшилов — это, с одной стороны устойчивое сохранение ими ислама, а с другой — распространенная повсюду в Краснодарском крае армянофобия¹⁴.

Большинство греков Краснодарского края региона — потомки беженцев 1862-1919 гг. из Понта. В дальнейшем греческое население края пополнялось за счет миграции из Закавказья, главным образом из Грузии. Особенно интенсивно процесс переселения шел в 1990-е годы, и был связан с ухудшением внутренней обстановки в Грузии, вызванной последствиями грузино-абхазского военного конфликта.

В период «перестройки» среди интеллигенции греческого происхождения стали распространяться идеи национального возрождения. В 1990-е годы в Краснодарском крае создаются греческие национально-культурные организации, которые явились важным мобилизующим фактором греческой этнической идентичности в регионе. С другой стороны, краснодарская община греков понесла значительные демографические потери не только в годы сталинских репрессий, но и, что важно, в последнее десятилетие в связи с эмиграцией большого количества молодежи и людей среднего возраста в Грецию. Ныне понтийские греки в Краснодарском крае являются меньшинством как в контексте греческой (панэллинской) этнической перспективы, так и по отношению к остальному населению территории их современного проживания в крае. Другая особенность — дисперсное

---

¹⁴ См.: Кузнецов И. В. Турки-хемшилы или исламизированные армяне? (случай «неясной» этнической идентичности) // Диаспоры. №. 1-2. 2000. Он же, Хемшилы Краснодарского края (1980-90-е гг.) // Старый Свет: археология, история, этнография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2000, с. 110-139.

расселение (не как у амшенских армян, ассирийцев и т.д.), главным образом, в городах и в сельских населенных пунктах, где подавляющее большинство населения составляют русские.

Для греческого населения края характерна инвариантность и гетерогенность культурных практик, которые сосуществуют с нивелирующими установками идеологии греческого возрождения на сохранение и воспроизводство этнически окрашенной «традиционной культуры». При этом, в отличие от амшенских армян, которые мало что знают о своем происхождении из Понта, конструируется единая объединяющая для всего греческого населения региона «понтийская греческая» этническая идентичность.

Например, цалкские урумы (турецкоговорящие православные христиане, первоначально переселившиеся из внутренних районов Турции в Цалкский район Грузии), попав на Северо-западный Кавказ, начинают заявлять о своей греческой этнической идентичности, позиционируются вместе с преобладающими в регионе понтийскими греками, которые переселились сюда непосредственно из Понта много ранее, т.е. в конце XIX-начале XX века. Среди цалкинцев действуют «понтийские» греческие национально-культурные организации, лидеры которых представляют «понтийскость» как основание для исторического и культурного единства различных кавказских групп греков.

В качестве символов понтийской культуры в такой ситуации выступает реконструированный традиционный костюм, понтийская кеманча или лира, фольклор, особенно круговые танцы, которые исполняют во время фестивалей понтийской культуры и праздников.

Особую проблему составляет изучение т.н. черкесских (адыгских) греков – группы, ныне почти исчезнувшей. В фокусе имеющих на сегодняшний день исследований – переселение ряда семей, которые составили данную группу, на русскую сторону из адыгских аулов, находившихся в состоянии войны с русскими¹⁵.

---

¹⁵ См.: Кузнецов И. В. Pontica Caucasica Ethnica. II // Понтийские греки. Краснодар, 1997 (серия: Studia Pontocausica, 3); Колесов В. И. Черкесские (горские) греки // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Вып. 2 (сентябрь 2000); Колесов В. И., Кузнецов И. В. «Черкесские греки»: идентичность, культура, религия. // Диаспоры, №. 1, 2002.

Некоторые обобщения

Для изучаемого региона грань, отделяющая коренное население от транснациональных групп, условна. Представители абхазов и адыгов, считающие себя в настоящее время коренными народами, тем не менее, в подавляющем большинстве живут за пределами своей первоначальной территории, в диаспоре (Турция, Ближний Восток, США и др.), образуя транснациональные группы. Эта ситуация уже не первый раз повторяется в истории (например, такой феномен, как адыгское и абхазское мамлюкство). С другой стороны, многие нынешние «признанные» транснациональные группы выступают за собственную укорененность, удревляют свою историю. Так, для националистической идеологии современных греков, вполне в духе примордиализма, характерно подчеркивание античных эллинских корней, ассирийцев – наследия древневосточной Ассирийской империи. Амшенские армяне Краснодарского края противопоставляют себя более поздним группам армян-мигрантов в регионе (армяне Карабаха и др.). Крымчаки доказывают, что они «коренные» для Крыма и региона в целом, в отличие от «пришлых» евреев.

Противопоставление коренных и мигрантов может работать только в правовом поле: ср. специальные статусы для «коренного малочисленного населения» и «мигрантов» в международном праве и законодательстве ряда стран. В этом случае критерием для их разделения может быть колониализм. Народы, проживавшие в регионе в доколониальный период, т.е. до Кавказской войны (до XIX в.), коренные, все прочие – нет.

Очевидно, для Северо-западного Кавказа националистическая идеология, с помощью которой конструируются современные народы – достаточно позднее явление. Национализм, возникнув в Западной Европе в XVIII в., пришел сюда только в колониальное и постколониальное (советское) время. Это хорошо видно на примере одной из транснациональных групп – чехов, которые попали в регион не из соседних областей (Понта и др.), как большинство, а из Западной Европы. Чехи выделяются на фоне всех остальных высоким уровнем национальной консолидированности, четкой границей, отделяющей «нас от них», и сложившимися механизмами кодификации и сохранения национальных особенностей культуры (письменность, печатная культура, образование). Другие (армяне, греки, ассирийцы, адыги и

др.) включают в себя большое число переходных групп с многоуровневой идентичностью (в составе греков — понтийцы, урумы, черкесские греки; в составе армян — амшенские и др.), что создает почву для вариативности процесса.

До эпохи наступления национализма главным фактором для объединений и противопоставлений на основе культуры была религия. Только она служила основанием для того, чтобы между хемшилами, принявшими ислам, и амшенскими армянами, сохранившими христианство, возник на долгие столетия барьер; а «армяне» и «греки», жившие среди адыгов, от которых они не отличались ни в языковом, ни в культурном отношении, и узнавшие о своих конфессиональных различиях только в колониальный период от чиновников и миссионеров, быстро растворились в среде «своих» наций — армянской и греческой. В этом смысле воздействие религиозного фактора на националистические идеологии ощущается и до сих пор. Благодаря общей религии многие хемшилы на каком-то уровне своей идентичности продолжают быть турками, а крымчаки — евреями.

Специфический случай чехов заключается в том, что эта крайне малочисленная группа испытала настоящую демографическую катастрофу, в связи с тем, что перестал играть существенную роль именно религиозный фактор. Определенное время границу с внешней средой для них усиливали конфессиональные противоречия, которые сменились национальными в их собственной стране, но еще ощущались в России (католицизм/православие). Однако, после массовой атеизации в советский период, эта граница была сметена, и чехов поглотил вал межнациональных браков с окружающим большинством (русскими и др.).

Языковой фактор, в сравнении с религиозным, долгое время не играл такой роли. Исследование языковой ситуации у транснациональных групп, переселившихся из исторического Понта (амшенские армяне, хемшилы, понтийские греки), показывает, что они долгое время являлись и являются сейчас дву- и многоязычными; что разные уровни их культуры опираются на разные языки («родной» и турецкий, русский и др.). Вместе с тем, стремление сохранить (или создать) «свой» язык в настоящее время становится существенной чертой национальных идеологий. За особые меры, которые могут предотвратить исчезновение «родного» языка, выступают шапсуги, ассирийцы Урмии. Сохра-

нение особого крымчакского языка и его памятников — основа крымчакской идеологии. Воздействием языкового фактора объясняется трудность вхождения урумов в греческую нацию. Наличие «своего» языка, помимо турецкого — единственное, что отличает хемшилов от турок.

Для бытовых представлений русского большинства, современного дискурса в СМИ, заключений экспертов, обслуживающих правительственную политику в России, характерен стереотип особой традиционности изучаемых нами малых коренных народов, архаичности, неподверженности их культур модернизационному процессу. Наши исследования опровергают его. Традиционные социальные институты абхазов и адыгов-шапсугов, переживших прессинг колониального и постколониального периодов, исчезли, а возникший вследствие этого вакуум заполнили явления, характерные и для других государств третьего мира со слабой властью (коррупция). Произошли глубокие гендерные изменения. Начали распространяться «пороки» нашего собственного общества (например, наркомания). Сама национальная идеология этих народов сформировалась в новых, несвойственных ранее этим культурам формах (письменный печатный характер дискурса и др.).

Предпринятое исследование показывает, как прямо на наших глазах может работать механизм конструирования новых народов (крымчаки, хемшилы), рождаются новые идентичности. Не вызывает сомнения то, что этот процесс часто носит характер сознательного выбора элит, является способом достижения ими своих корпоративных интересов. Соответственно, большую роль во всем этом играют конкретные национальные просветители, лидеры НПО и политических партий.

Оформление транснациональных групп в новые народы — результат действия очень многих векторов, процесс случайный. Так лидеры горских евреев Дагестана десятилетиями настаивают, что они — прежде всего евреи, а власти и официозная советская наука продолжают этому сопротивляться, видя в них местное кавказское население — «татов-иудаистов». Крымчакская же община, наоборот, убеждает последних в своей «укорененности». Но в этом случае официальные структуры делают вид, что не замечают особой идентичности крымчаков и продолжают подозревать в них евреев. Это притом, что движение и горских евреев,

и крымчаков развивается на фоне глубоко засевшего в умы местного бытового антисемитизма и традиционного недоверия властей к евреям.

Мы развенчиваем еще один стереотип, согласно которому малые группы (коренные или транснациональные) а priori большие националисты, более корпоративны и консолидированы, чем окружающее большинство. Исследованные случаи показывают, что национализм коренного населения Северо-западного Кавказа — вторичен. Это ответная реакция на колониализм: современные абхазы и шапсуги борются за отобранную землю предков и политический статус, в котором они видят утерянную возможность самоуправления. Точно также национализм транснациональных групп мигрантов — тоже результат процессов, происходящих в их окружении, в частности, следствие такой черты национализма русского большинства, как ксенофобия. Хемшилы хотят быть хемшилами, потому что видят, как власти Краснодарского края приступают к депортации турок; крымчаки — крымчаками, а не евреями, потому что боятся повторения еврейских погромов, Холокоста и борьбы с «космополитизмом». Ассирийцы Урмии стали настаивать на восстановлении такой устаревшей формы местного самоуправления, как национальный сельсовет или даже колхоз, только после того, как станичная власть, в которой их растворили, ликвидировала все возможности для их национального развития.

Сегодняшняя официальная политика в отношении этнических меньшинств, коренного населения и мигрантов, как в федеральном центре, так и особенно в регионе, подпитываемая примордиалистским расиалистским дискурсом официальных экспертов, сама выдумывает, а затем воплощает в реальность те нарушения баланса и опасные количества национальностей, отношения между которыми потом и берется регулировать. Создание и поддержание многочисленных законодательных барьеров (регистрации, особого порядка пребывания и т.д.), по мнению их архитекторов, ограждающих местное (русское) население от наплыва «чужих», бездумное развешивание «своим» и «чужим» обобщающих ярлыков типа «славяне», «казаки», «кавказцы», «турки-месхетинцы», «ваххабиты», «чеченцы», порождает национализм последних, что ведет к тотальной этнизации общества и распаду государства в его нынешней форме.